

Здравствуйте!

№6/2015

ISSN 1897-6638

СТР. 6

Звучал Есенин в Августове...

В этом году программа Дней русской культуры в Августове состояла из межшкольного конкурса чтецов и праздничного концерта с участием детских творческих коллективов из Калининграда.

СТР. 12

СТР. 14

СТР. 20

Звучал Есенин в Августове...

Третий год подряд школьники Августовского района участвуют в конкурсе русской поэзии. В этом году он был посвящён 120-летию замечательного русского поэта Сергея Есенина. Конкурс был объявлен городской библиотекой и культурным фондом *Rusicz*. На приглашение организаторов откликнулись 29 человек.

Свои интерпретации стихов на русском языке участники представ-

ляли в двух возрастных группах. И тут наиболее активными оказались гимназисты – их было 23 человека! Стихи Сергея Есенина очень мелодичны, но и очень эмоциональны – и именно это понравилось юным чтецам. „Письмо матери”, „Песнь о собаке”, „Шагане” – прикосновение к каждому из этих произведений обогащает наш русский язык, учит сопереживанию, даёт возможность прикоснуться к шедеврам поэтического творчества. Эмоций было в этот день много!

И перед жюри, а это были Барбара Коронкевич, Катажина Заневская, Галина Суходольская и Вера Евдокимов – стояла нелёгкая задача выбрать победителей, ведь каждый из чтецов был по-своему хорош.

Лучшей среди гимназистов была признана Мария Мазуркевич, а среди старшекласников победила Дарья Троцка. А соорганизатор конкурса – фонд *Rusicz* свою награду вручил Эдите Шимчик.

На следующий день любители русской культуры собрались в киноконцертном зале „Искра” на ставший уже традиционным концерт юных калининградских артистов. В этом году в Августов приехали ансамбли „Славяночка”, „Янтарные миниатюры” и „Звёздный дождь”. Песни, танцы... Сольные номера и

групповые. Дети представляли не только русскую культуру. Они исполнили и украинскую „Бульбу”, и польский краковяк.

Зрители горячо приветствовали каждый выход на сцену, чем ещё раз доказали тот факт, что именно дети, со свойственной им искренностью и открытостью, способны создать дружественную атмосферу в зале и установить контакт с любым зрителем.

На концерте были не только представители Калининградской области, но и депутат польского Сейма Александр Сосна, бывший советник Президента Польши, который, не скрывая удовольствия и улыбки, сказал участникам: „Ваши задорные голоса ещё долго будут слышны даже после того, как вы уйдёте со сцены!”

Наверняка, много впечатлений увезли в Калининград и юные россияне, которые будут дома рассказывать не только о тёплом приёме, который им был оказан в польском Августове, но и о посещении деревни русских старообрядцев и исторических мест и памятников, связанных с историей Первой и Второй мировых войн.

Зенон Соколов, фонд Rusicz

Семейные реликвии

Началась эта история ровно 50 лет тому назад. В начале декабря 1965-го года мы с отцом навестили пожилую уже тогда родственницу, чтобы посмотреть хранящиеся у неё старинные семейные фотографии. Совместными с отцом усилиями они тогда „определяли“ людей, запечатлённых на твёрдых, пожелтевших уже картонных снимках, сделанных во второй половине XIX века.

Оба лично знали большинство из представленных на фотографиях. Достигнув согласия по вопросу „кто есть кто“, записывали эту информацию карандашом на обратной стороне картонок. Я тоже, но по-своему, описывал эти снимки и изображённых на них людей на нескольких листках, вырванных из какой-то тетради.

Фотокопии старых снимков были тогда довольно дорогими, но я надеялся со временем, когда появятся свободные деньги, отнести фотографии в ателье и заказать их новые воспроизведения. Для этого случая и создавались эти записи на листках.

Но, как оказалось, свободных денег не бывает, и эта идея малопомалу забывалась. Потом родственница умерла, и куда делся старинный альбом с этими снимками – я не знал. Меня тогда носило по стране, и на похоронах я не был.

Позже я пробовал узнать что-либо об этих снимках, но тщетно. И опять эта история забывалась. Каким-то чудом я 50 лет (!) хранил в своих архивах тетрадные листы с описаниями, которые сделал первого декабря 1965... Это было иррационально, их следовало давно выбросить, но почему-то я так не поступил.

И вот в сентябре нынешнего года на нашей очередной конференции, посвящённой русскому культурному наследию в Польше, в Шамотулах я встретился со своей родственницей Евой, с которой мы давно не виделись. И во время одного из разговоров она показывает мне... ксерокопии некоторых из тех, казалось бы, навсегда утраченных фотографий и просит объяснить ей, кто эти люди. Я онемел... Оказалось, что она получила их недавно от одного из наших лодзинских родственников.

Информация о том, кто именно запечатлён на этих снимках, может быть неинтересна для наших читателей. Там есть и мой прадед, и прабабка, но, главным образом, там сохранилось поколение их детей. Есть жив-

шие в Петербурге сестра моей бабушки и её муж, есть люди, приехавшие в Россию из далёкой Бразилии (в нашей родной деревне в мою молодость пожилые люди вспоминали, что бразильская барышня, приехавшая вместе с отцом, имела большого попугая, который „ездил“ на шлейфе её платья и кричал „арра“). Есть на фотографиях и французские родственники, и непутёвый брат моей бабушки, который, будучи военным служащим в Санкт-Петербурге, вместе с каким-то из князей Долгоруковых занимался не тем, чем надо, из-за чего ему пришлось воспользоваться помощью одного нашего

высокопоставленного родственника и побыстрее покинуть пределы Империи, что, впрочем, не помешало ему служить потом переводчиком при Экспедиционном корпусе русской армии во Франции. Одним словом, есть разные нам близкие люди, а для постороннего глаза чужие, давно забытые и давно ушедшие в мир иной. Снимков оказалось почти двадцать штук...

И тут, как нельзя кстати, пригодились мои полувековой давности записки. Удалось идентифицировать почти всех, только один снимок остался всё-таки анонимным.

Но и это ещё не всё. Я довольно быстро связался с сегодняшним владельцем этих фотографий и на днях надеюсь получить от него хорошие копии для своего семейного собрания.

А всё это, дорогие читатели, стало возможным только благодаря организаторам Шестой научно-практической конференции „Русское культурное наследие в Польше“, пригласившим в Шамотулы не только молодую и красивую Еву, но и меня, давно уже немолодого и некрасивого, за что им низкий поклон и сердечное спасибо. И давайте запомним: не все конференции на свете скучные и бесплодные. Нашим уж точно это не угрожает!

Марк Цыбарт

Необычный день рождения в Щецине

Так случилось, что день рождения Марии Фёдоровны Романовой, невестки императрицы Екатерины Великой, совпал с днём выборов в Польше: 25 октября 2015 года царской особе исполнилось бы 256 лет. Мария Фёдоровна так же, как и её свекровь, была родом из Щецина. И некоторые решили по-своему отметить этот день.

Личность самой царицы Екатерины II вызывает у нас довольно неоднозначную реакцию и много споров. Власти города, местные историки, работники музеев, не говоря уже о местной политической элите, не всегда могут „справиться” с фактом, что она наша землячка, и решить, что же делать с её щецинскими корнями. Информация об одной из выдающихся исторических личностей Европы XVIII века искажается, а её саму часто обвиняют в действиях, направленных против польской государственности, при этом делая акцент на буйном темпераменте и любвеобильности. И никто не знает, как поступить: или примириться с мыслью, что да, здесь родилась царица Екатерина II, которую и сейчас называют Великой, или же просто игнорировать этот факт.

Пока же современный польский Щецин старается не замечать в своей истории следов присутствия будущей российской императрицы. А вот прусского короля Фридриха II, как ни странно, не забывает, хотя он тоже в немалой степени был причастен к разделу Польши. В местном Национальном музее представлены его портреты и другие исторические предметы, с ним связанные. Немало усилий было предпринято для возвращения его памятника в Щецин, ему посвящено немало работ местных историков.

Но факт остаётся фактом: и царица Екатерина, и её невестка Мария родились в Щецине, который тогда был частью Пруссии. Обе были принцессами, и обеих звали Софья. Екатерина – это Софья Фредерика Августа Ангальт-Цербстская, а Мария Фёдоровна – Софья Дорота Вюртембергская.

Обе принцессы были родственницами короля Фридриха II, который, к слову, был инициатором многих ин-

триг при дворе царицы Екатерины, втягивая в них также и Марию Фёдоровну. Со дня на день его памятник украсит город. А изготовленная во времена прусского правления гранитная памятная таблица, посвящённая Екатерине Великой, спрятана в запасниках музея и недоступна для посетителей.

Но не все жители города согласны с таким положением вещей. Их интересуют не менее любопытные связи российского трона с их городом, и не только личность царицы-реформатора, но и вызывающая меньше эмоций в политических кругах её невестка. Именно Мария Фёдоровна стала объектом изучения учёных из местной Академии наук и Щецинского университета. И это благодаря их исследованиям и интересу к этой теме день рождения нашей землячки, причастной к роду Романовых, стал поводом для жителей города ближе познакомиться с этими историческими личностями.

Когда сын царицы Екатерины II Павел стал вдовцом, его мать решила, как это обычно бывало в их царственных кругах, найти ему очередную жену. И такую, которая не будет мешать ей в управлении Российской империей. В книге Анджея Андрушевича *Romanowowie. Imperium i familia* (Wydawnictwo Literackie, 2014) мы читаем, что Екатерина поставила три условия: кандидатка в жёны должна быть лютеранкой, принадлежать к семье коронованных властвующих особ и... быть соответствующего роста – не выше Павла.

Своим посланцам на Запад она посоветовала заехать и в Щецин, в свой родной город, к которому она всю жизнь испытывала сентиментальные чувства.

Царевич Павел подчинился воле матери, и принцесса Вюртембергская, тоже щецинянка, стала его женой.

Свадьба состоялась в 1776 году. Софья получила имя Мария и родила мужу десять детей: четырёх сыновей и шесть дочерей. Вопрос о престолонаследии был решён на многие годы вперёд. Двое из сыновей Марии Фёдоровны позднее восседали на царском троне: с 1801 года Александр, и с 1825 – Николай. Поэтому часто Марию Фёдоровну называют „матерью царей“.

Мы видим, что Щецин довольно сильно обозначил свой след в истории России, дав ей двух великолепных женщин – двух принцесс с одинаковым именем Софья.

Со времён Екатерины II в России царствовала династия по линии Романовых: царь Пётр III, её муж, сама Екатерина, унаследовав трон после его смерти, а также их потомки – Александр I, Николай I, Александр II (с 1855), Александр III (с 1881) и Николай II (с 1894 до 1917).

И вот 25 октября учёными из Академии наук и Щецинского университета, а также представителями Российского центра науки и культуры из Гданьска были организованы в частном культурном центре *Stara Rzeźnia* несколько мероприятий, связанных с историей династии Романовых и – более широко – с русской культурой.

В полдень была открыта выставка самоваров из частной коллекции господина Роговского, жителя нашего города, и привезённая из Гданьска фотовыставка, посвящённая семье Романовых. Чуть позже мы услышали интересный доклад искусствоведа Александры Лукашевич-Альцараз о художественных образах Екатерины

II, а потом зазвучала музыка – это было мультимедиальное продолжение темы „В царстве нот...“ о музыке, звучащей в кругах Марии Фёдоровны.

Оказалось, что щецинская принцесса в течение всей своей жизни была окружена музыкой. При царском дворе играли многие музыканты и композиторы, в том числе и Д. Бортнянский. Благодаря поддержке Марии Фёдоровны впервые именно там было исполнено большое количество музыкальных произведений, как вокальных, так и инструментальных, представляющих музыку светскую и религиозную. Провели встречу музыковеды Войцех Крал и Анджей Вонторски.

И снова – очередное выступление. На этот раз Иоанна Косьтельна рассказала о самой великой императрице России – Екатерине II.

А закончился этот день в клубе *Stara Rzeźnia* выступлением вокальной группы *Ekipaż*, которая для переполненных впечатлениями участников предыдущих событий исполняла песни народные и популярные: и рождённые на одесских улицах, и созданные известными бардами.

Идея празднования дня рождения „матери царей“ нашла отклик у жителей города: и на лекциях, и на вечернем концерте были полные залы. И были там не только щециняне, но и гости из Гданьска и даже из соседней Германии.

Софья Бабчинская-Елёнок

Память возвращается

Одной из наиболее именитых русских семей, оказавшихся на территории Польши, являются Лопухины. В 1689 году Евдокия Лопухина вышла замуж за царя Петра Алексеевича, а через 110 лет Пётр Васильевич Лопухин, будучи председателем Кабинета министров Российской империи, был возведён с потомством в княжеское достоинство. Память о представителях это рода сегодня возвращается к нам.

Доказательством тому является постепенное восстановление церкви Георгия Победоносца в крохотном Хрущине, что в повяте Болеславец над рекой Просной. Затерянный в лесах храм был построен по инициативе и на деньги владельцев майоратного имения – Татьяны и Ивана Лопухиных, поселившихся на польской земле в 1890 году. Кроме того, о прошлом знаменитой семьи рассказывает выставка, находящаяся рядом с хрущчинским храмом. Она была создана благодаря инициативе работников библиотеки в Верушове и членов местного исторического клуба *Gloria Victis*.

Лопухины принадлежали к элите Российской Империи. Ещё со времён Ивана Грозного представители этой фамилии верой и правдой служили своим монархам на дипломатическом и военном поприщах. Самой известной представительницей рода была Евдокия, выданная замуж за Петра I. Брак оказался неудачным, ведь молодая супруга не разделяла стремлений мужа к реформам.

Молодые люди не успели узнать друг друга до свадьбы, так как их сосватала мать Петра – Наталья Нарышкина. Кроме того, сами Лопухины находились в оппозиции к новомодным преобразованиям, что не могло не вызвать антипатии монарха. В итоге царь сослал нелюбимую жену в монастырь. Евдокия вернулась оттуда лишь в 1727 году, спустя 2 года после смерти Петра I.

Над Просной члены именитой семьи появились вследствие брака Ивана Лопухина с Татьяной Краснокутской, дочерью царского генерала, подавлявшего Январское восстание. Император Александр II был доволен службой своего офицера и в 1866 году подарил ему огромный майорат, состоящий из конфискованных польских имений в Болеславце, Хрущине, Мелешине и нескольких других местностях. Именно эти земли стали приданым Татьяны Краснокутской.

Супруги приехали в Царство Польское вскоре после свадьбы. Они поселились в Хрущине, где для их нужд была построена роскошная усадьба. Татьяна занялась благотворительной деятельностью, открыв школу для детей из окрестных местностей. Любопытно, что по желанию основательницы учеников обучали не только русскому языку, но и польскому. Не менее интересен факт, что кумиром Ивана был гетман Замойский.

Лопухины были крупными работодателями, к своим работникам они относились с уважением. Когда в семье разыгралась трагедия, супруги могли рассчитывать на помощь окрестных жителей. Дело в том, что Никита, сын Татьяны и Ивана, однажды ушёл на прогулку в лес и не

вернулся. В его поисках участвовали сотни человек. Тело мальчика, лежащее в трясине, нашли пожарные из Болеславца. В благодарность за обнаружение останков сына Татьяна Лопухина подарила им собственноручно вышитую хоругвь с изображением св. Флориана, покровителя профессий, связанных с огненной стихией.

Этот предмет сохранился до наших дней, причем пожарные использовали его аж до 1957 года!

Татьяна была очень религиозна, поэтому она решила построить семейную церковь. Однако вскоре в ней стали молиться русские пограничники и таможенники, потому что совсем рядом находилась русско-пруская граница, служба на которой была занятием сложным: патрулирование территории проходило днём и ночью, а контрабандисты часто совершали нападения на русских солдат и офицеров. Кроме того, у православных пограничников и таможенников, разбросанных по огромной территории, не всегда была возможность регулярного участия в богослужениях. Иван и Татьяна предложили им воспользоваться своей семейной церковью.

Первая мировая война прервала мирное существование Лопухиных, которые уехали в Россию, где Татьяна и её дочери работали сёстрами милосердия.

Семья не приняла Октябрьскую революцию и вернулась в независимую Польшу. Вскоре Иван и Татьяна продали своё имение правительству Речи Посполитой и уехали в Италию, климат которой более подходил страдающему болезнью лёгких главе семьи.

Их дети – Георгий и Татьяна – остались в Польше, которую считали своей родиной. Во время второй мировой войны они боролись с немецкими оккупантами: мужчина участвовал в сражениях сентября 1939 года, а его сестра занималась подпольной деятельностью. Георгий умер вскоре после окончания второй мировой войны, а его сестра Татьяна жива до сих пор: ей 95 лет, и она проживает в Варшаве.

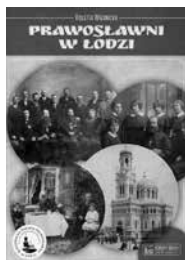
После 1945 года в имении Лопухиных разместили дом престарелых, а в церкви – часовню для умерших подопечных учреждения. Любопытно, что в то время в храме сохранились иконостас и вся утварь. В 1970-х гг. местные власти запретили пользоваться церковью. Здание постепенно приходило в негодность, внутри церкви появились надписи в стиле „Здесь был Вася”, а находящиеся там предметы были разграблены. Храм попал в забвение: трудно поверить, но даже служители и власти Польской православной церкви не знали о его существовании.

Лишь в 2006 году церковь Георгия Победоносца была передана православному приходу в Ченстохове, а спустя два года начался ремонт здания, во время которого был восстановлен фасад и построены ступеньки, ведущие ко входу в храм. Православный приход в Ченстохове занимается поиском средств для ремонта внутри святыни.

17 мая 2014 года перед церковью впервые за много лет зазвучали слова православной молитвы. Очередное богослужение в хрущинском храме имело место 8 ноября текущего года и было посвящено молитве за благополучие Польши. В нём участвовали католические и православные священники, а также верующие обеих конфессий. После литургии состоялось торжественное открытие выставки, посвящённой семье Лопухиных. Её организаторы пообещали создание туристического маршрута, связанного с православием и владельцами хрущинской усадьбы.

Виолетта Верницкая

Православная история „земли обетованной”

На днях вышла в свет вторая книга члена нашего редакционного коллектива – Виолетты Верницкой *Prawosławni w Łodzi* / „Православные в Лодзи”.

Мы надеемся, что она повторит успех первой её книги о русских в Польше в 1795–1915 годах.* Вот что написал во вступлении к новой книге архиепископ Симон из Лодзинско-Познаньской епархии Польской православной церкви.

– Книга *Prawosławni w Łodzi* Виолетты Верницкой – это книга прежде всего о людях, об их ежедневной жизни, радостях и заботах, о жителях Лодзи православного вероисповедания, которые жили, живут и будут жить в нашем городе на реке Лодке**. Сюда приехали, здесь родились, жили и работали, вместе с другими народами создавая особую атмосферу и культуру Лодзи.

Большинство из них нашло своё упокоение на нашей земле. Не только на двух городских православных кладбищах – на улицах Огородовой и Телефоничной, но и на других, рядом со своими родными и близкими – католиками и протестантами.

Это книга о людях, живших не только в прошедших XIX и XX веках, но и о тех, кто живёт сегодня рядом с нами. Автор пишет о них с большой любовью и доброжелательностью. И за это ей огромная благодарность!

Обращает на себя внимание и то, с какой теплотой Виолетта Верницкая рассказывает о давних временах и о тех, в которых мы с вами ещё вчера жили. Также очень импонирует и даже удивляет работоспособность и скрупулёзность, которые должна была проявить автор книги во время работы над ней. Это процесс состоял из поисков, иногда в самых неожиданных местах, документов, писем, людей, свидетелей минувших лет и наших современников.

Нашей православной Лодзинско-Познаньской епархии только 65 лет. Но нам уже есть, чем гордиться. С нашей епархией были связаны Митрополит Варшавский и всея Польши Стефан, архиепископ Белостокский и Гданьский Никанор, сегодняшний Митрополит Варшавский и всея Польши Сава.

Лодзь православная продолжает жить. Но многие уходят... А уходя, остаются в нашей земле. Здесь, в Лодзи, похоронены промышленники, купцы, банкиры, профессора, музыканты, чиновники, учителя, военнослужащие разных армий времён Первой и Второй мировых войн, адвокаты и священнослужители. Мы насчитали там представителей пятнадцати народов из Польши, стран Европы и даже из Азии.

Сегодня православные жители Лодзи, которые приходят на службу в православный собор св. Александра

Невского, в церковь св. Ольги, церковь Успения Пресвятой Богородицы – это калейдоскоп народов и языков. Среди них поляки, живущие здесь белорусы, лемки, украинцы... Прибывают в последнее время прихожане, приехавшие из России, Латвии, Литвы, Эстонии, Грузии, балканских стран, Румынии, Сербии, Греции, Македонии, с Кипра, Украины. Бывают те, кто приехал и из более далёких африканских стран и Индии.

Наши прихожане живут, преодолевая те же проблемы, что и всё польское общество. Молодёжь выезжает на запад Европы, как говорится, „за хлебом”. В польских восточных регионах есть свои высшие учебные заведения, поэтому молодые люди оттуда редко приезжают в Лодзь учиться.

Благодаря доброжелательности со стороны городских властей наши прихожане имеют возможность ремонтировать свои храмы, приводить в порядок кладбища, сохранять традиции православной жизни в городе. Например, наш церковный хор хорошо известен в городе, и его выступления пользуются популярностью.

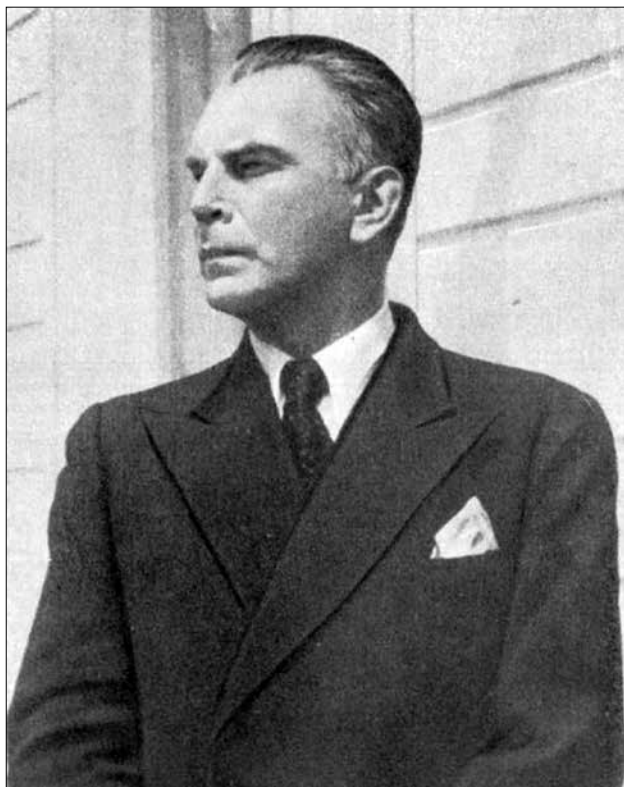
А кроме того православные жители Лодзи известны своим гостеприимством и открытостью. Практически ежедневно у нас открыты православные храмы для всех, не только для взрослых, но и для детей и молодёжи. Церковь всегда открыта не только для богослужений, но и для обычных встреч, для разговоров о Боге и о Человеке.

Книга, о которой я рассказываю – она для всех! И прежде всего для жителей Лодзи. Земляки, прочитайте этот рассказ о вашем городе. Это будет встреча с православной частью „земли обетованной”, на которой переплелись судьбы разных народов и религий и которую мы начали все вместе создавать уже в XIX веке: для живущих – храмы, дома и дворцы, для умерших – находящиеся рядом друг с другом кладбища. Своеобразный Лодзинский Европейский Союз существовал у нас уже в XIX веке.

* „Rosjanie w Polsce. Czas zaborów 1795–1915”

** Лодка – река, на берегах которой в XIII веке возникло поселение, которое дало начало городу Лодзь.

АКТ ПОЭТИЧЕСКОГО НЕПОВИНОВЕНИЯ

Имя этого поэта сегодня редко упоминается в печати, а его стихи не звучат на поэтических вечерах. А когда-то он был в первых рядах лириков 20–30-х годов прошлого века и его творчество привлекало внимание ещё несколько десятилетий после его смерти. Из всех произведений поэта особо выделяется поэма „Алайский рынок“. С ней Владимир Луговской вошёл бы в историю русской литературы, даже если бы не создал никаких других произведений.

Родился будущий поэт в 1901 году в Москве в интеллигентной семье. Отец – инспектор гимназии, мама – певица. Жизнь Владимира Луговского нельзя назвать особо драматичной, если бы не один факт его биографии.

В 1937 году вышло в свет постановление правления Союза писателей СССР, в котором избранные стихи Владимира Луговского осуждались как политически вредные, но вслед за этим не последовали репрессии. Только его вынужденный покаянный ответ, опубликованный в том же 1937 году в шестом номере журнала „Знамя“ в статье под красноречивым названием „О моих ошибках“. Но и после этого публикации произведений поэта были в последующие годы затруднены, из-за чего он пережил затянувшийся творческий кризис.

Политически вредными были признаны, в частности, те стихи Владимира Луговского, в которых понятие родины сочетается с несовместимыми с ним, по мнению критиков, определениями „свирепая“, „страшная“, „злая“. Тема „свирепой родины“ из стихотворения „Дорога“ получает развитие в стихотворении „Повесть“:

Направо – поля.

Налево – поля.

Деревни как чертовы очи.

И страшная, русская, злая земля

Отчаяньем сердце точит.

В этих не столько дерзких, сколько глубоко выстраданных строках можно увидеть переключку с поэзией

Марины Цветаевой, стихами которой Владимир Луговской интересовался. Марина Цветаева называет родину „лютой“ (*Сокол – перерезанные пути! / Шибче от кровавой колеи! / – То над родиной моею лutoй / Исстрадавшиеся соловьи*).

Переключку с поэзией Марины Цветаевой критики видят также в книге поэм Владимира Луговского „Середина века“, утверждая, что устами прапорщика Цветкова говорит Марина Цветаева, не говоря уже о несомненной переключке фамилий Цветков – Цветаева. Литературовед Леонид Воронин видит в этом некую тайнопись поэзии Владимира Луговского, ибо о присутствующей в ней „дуре цветаевской поэзии“ пишет: „утаённая для „неслышащих“ и аукающаяся – для посвящённых“.

Но независимо от того, является ли прапорщик Цветков *porte-parole* Марины Цветаевой, строки поэзии Владимира Луговского вызывают ассоциации со стихами целого ряда великих русских поэтов.

Его безжалостные в своей прямоте стихи (*Но штык – штык остёр, / Винтовка – проста. / А жизнь – во сто крат проще! / Сегодня – вагон. / Неделю вагон, / А дальше – большая атака. / Осенний нерадостный небосклон / И в дуло идущий последний патрон / Для белого или поляка*) созвучны также с поэзией Александра Блока (*Товарищ, винтовку держи, не трусь! / Пальнём-ка пулей в Святую Русь – / В кондовую, В избяную, В толстозадую! (...) Запирайте этажи, / Нынче будут грабежи! / Отмыкайте погреба – / Гуляет нынче голытьба!*).

Такое же одиночество и отчуждение испытывал Сергей Есенин (*Вот так и страна! / Какого ж я рожна / Орал в стихах, что я с народом дружен? / Моя поэзия здесь больше не нужна, / Да и, пожалуй, сам я тоже здесь не нужен*).

За слова о свирепой родине Владимир Луговской долго потом оправдывался в своей поэзии, изо всех сил старался доказать любовь к родной земле и преданность ей:

*Ты кормила, не скупясь, меня,
Материнским молоком поила,
Песенного подарила мне коня -
Горбунка-коня мне подарила.
(...)*

*Горбунок-конёк, ты ростом мал,
Северная русская порода.
Ты меня, родной, не выдавал,
Никому и я тебя не продал.*

Эти, может быть, не самые удачные, стихи нельзя назвать проявлением слабости, в которой не могли упрекнуть его даже лютые враги. Эти строки свидетельствуют о какой-то растерянности поэта, „расстрелянного в упор” несправедливыми упреками, которые были для него незаживающей раной.

Но творчество Луговского интересно нам прежде всего тем, что он дошёл до совершенства певучесть стиха, удивительно искусно подбирая звуки. Песенность является особым достоинством произведений Владимира Луговского. Яркость образов и глубокие чувства, которыми проникнуты его стихи, придают им особый характер.

*Над необъятной Русью
С озёрами на дне
Загоготали гуси
В зелёной вышине.*

*Заря огнём холодным
Позолотила их.
Летят они свободно,
Как старый русский стих.*

*До сосен Заонежья
Река небес тиха.
Так трепетно и нежно
Внизу цветёт ольха.*

*Вожак разносит крылья,
Спешит на брачный пир.
То сказкою, то былью
Становится весь мир.*

*Под крыльями тугими
Земля ясным-ясна.*

*Мильоны лет за ними
Стремилась к нам весна.*

*Иных из них рассеют
Разлука, смерть, беда,
Но путь весны – на север!
На север, как всегда.*

Но из всех произведений поэта особо выделяется одно. Поэма „Алайский рынок”. Я бы назвала создание „Алайского рынка” актом неповиновения.

В 263 строки поэт уложил столько эмоций, ощущений, страхов, надежд, страстей, унижений, описав их настолько буквально, что читатель – не просто встающими перед глазами образами, а всеми чувствами – словно всем своим телом присутствует в далёком Узбекистане, в Ташкенте, на Алайском рынке, где бурлит жизнь. В ком-то бурлит, а в ком-то почти угасает...

*Три дня сижу я на Алайском рынке,
На каменной приступочке у двери
В какую-то холодную артель.
Мне, собственно, здесь ничего не нужно,
Мне это место так же ненавистно,
Как всякое другое место в мире,
И даже есть хорошая приятность
От голосов и выкриков базарных,
От беготни и толкотни унылой...
Здесь столько горя, что оно ничтожно,
Здесь столько масла, что оно всеильно.
Молочнолицый, толстобрюхий мальчик
Спокойно умирает на виду.
Идут верблюды с тощими горбами,
Стрекочат белорусские еврейки,
Узбеки разговаривают тихо.
О, сонный разворот ташкентских дней!..
Эвакуация, поляки в жёлтых бусах,
Ночной приезд военных академий,
Трагические сводки по утрам,
Плеск арыков и тополиный лепет,
Тепло, тепло, усталое тепло...*

Ощущение глубочайшей несправедливости, обида, злость, ненависть, зависть – низкие чувства захлёстывают лирического героя. Неповиновение, нежелание смириться с собственным положением и вместе с тем полная беспомощность, доводящая то до отчаяния, то почти до истомы ...

*Я пьян с утра, а может быть, и раньше...
Пошли дожди, и очень равнодушно
Сырая глина со стены сползает.
Во мне, как танцовщица, пляшет злоба,
То ручкою взмахнёт, то дрыгнет ножкой,
То улыбнётся тёмному портрету*

*В широких дырах удивлённых ртов.
В балетной юбочке она светло порхает,
А скрипочки под палочкой поют.
Какое счастье на Алайском рынке!
Сидишь, сидишь и смотришь ненасытно
На горемычные пустые лица
С тяжёлой ненавистью и тревогой,
На сумочки московских маникюри.
Отребье это всем теперь известно,
Но с перевозданной юной, свежей силой
Оно входило в сердце, как истома.
Подайте, ради бога.
Я сижу
На маленьких ступеньках.
Понемногу
Рождается холодный, хищный привкус
Циничной этой дребедени...*

Когда его герой сидит и слюнявит чёрный палец, поигрывая чёрной пуговицей, „так, никчемушник, вроде отщепенца”, мы чувствуем, что автор не столько изображает, не столько описывает извне всё увиденное и пережитое, а обращается к читателю, ошарашенному невероятной силой образов, изнутри потрясающей картины Алайского рынка сороковых годов, времени войны и разрухи. Слово следуя поэтическим заветам Валерия Брюсова, Владимир Луговской не чувствует себя скованным традиционными, банальными, „пошлыми” представлениями о добре и зле, о подобающем и неподобающем, о дозволенном и недозволенном. Он демонстрирует в своём неповиновении полную свободу в поэзии, в искусстве. Заглянув в человеческую душу, смело раскрывает перед читателем все её тайны.

*Я хочу сожрать
Всё, что лежит на плоскости.
Я слышу
Движеньё животов.
Я говорю
На языке жиров и сухожилий.
Такого униженья не видали
Ни люди, ни зверюги.*

*Я один
Ещё играю на крапленых картах.
И вот подошвы отстают, темнеют
Углы воротничков, и никого,
Кто мог бы поддержать меня, и ночи
Совсем пустые на Алайском рынке.
А мне заснуть, а мне кусочек сна,
А мне бы справедливость – и довольно.
Но нету справедливости.
(...)
Какое счастье на Алайском рынке,
Когда шумят и плещут тополя!*

*Чужая жизнь – она всегда счастлива,
Чужая смерть – она всегда случайность.
А мне бы только в кепке отсыревшей
Качаться, прислонившись у стены.
Хозяйка варит вермишель в кастрюле,
Хозяин наливается зубровкой,
А деточки ложатся по углам.
Идти домой? Не знаю вовсе дома...
Оделись грязью башмаки сырые.
Во мне, как балерина, пляшет злоба,
Поводит ручкой, кружит пируэты.
Холодными, бесстыдными глазами
Смотрю на все, подтягивая пояс.
Эх, сосчитаться бы со всеми вами!
Да силы нет и нетерпенья нет,
Лишь остаются сжатые колени,
Поджатый рот, закушенные губы,
Зияющие зубы, на которых,
Как сон, лежит вечерняя звезда.*

Какая последовательно-уничжительная характеристика самого себя! Поэт широко раскрывает перед нами свою душу, поражая калейдоскопом образов, каскадом чувств, ощущений, убивающих совесть, стыд, нравственность. Но одновременно безбожный и бесчеловечный, казалось бы, совсем бесчувственный мир Алайского рынка манит, влечёт к себе смешанными красками, пряно-сладкими ароматами, то и дело улавливаемыми читателями...

Импрессионизм описания заключается не только в повышенном внимании автора к деталям, но и во всём чисто эмоциональном, не поддающемся измерениям и анализам, потрясающем, но эфемерном, непрочно, неуловимо ускользающем чувстве, уловленном автором и описанном в 263 строках поэмы.

„Алайский рынок” является, несомненно, одним из самых ярких, самых выдающихся, самых запоминающихся, самых смелых произведений русской литературы.

В последние годы жизни поэт создал сборники стихотворений „Солнцеворот” (1956), „Синяя весна” (1958), лирико-эпическое произведение из 25 поэм „Середина века” (1958). Но после „Алайского рынка” ему смело можно было адресовать слова, приписываемые молвой князю Григорию Потёмкину, якобы сказавшему Денису Ивановичу Фонвизину после премьеры комедии „Недоросль” (1782): „Уми, Денис, лучше не напишешь”.

Умер Владимир Александрович Луговской 5 июня 1957 года в Ялте. Похоронен на Новодевичьем кладбище в Москве.

Марлена Зимна

Русские в Польше времён социализма

Итак, мы продолжаем знакомить вас с историей русского национального меньшинства в Польской Народной Республике, описанной молодым учёным Адамом Сулавка в журнале „Новая Польша”. Остановились мы на том, что после пятнадцати лет активная хозяйственная и общественная деятельность Русского культурно-просветительного общества была остановлена, а само общество было распущено в июле 1960 года.

Однако уже в апреле 1961 г. в Лодзи группа местных русских подала заявку на регистрацию нового Русского культурного общества „Звенья”, резиденция которого должна была находиться в Лодзи. Председателем правления был выбран Пантелеймон Юрьев, а его первым заместителем – Владимир Эпштейн. И о том, и о другом мы упоминали, когда рассказывали о лодзинской газете „Русский голос” в предыдущих номерах. Кроме них во временное правление вошли Зинаида Ринер, Оксана Крижановская и Надежда Русакевич.

Устав организации был очень похож на устав РКПО. Польские власти проявили благожелательность в отношении этой инициативы, произведя регистрацию в осо-

бом порядке в течение всего лишь нескольких дней с момента подачи заявки.

В приложении на польском языке к газете „Русский голос” под названием *Głos Rosyjski* в номере за июль 1961 г. был опубликован программный манифест нового общества, написанный Пантелеймоном Юрьевым, в котором излагались главные цели организации: „Задачей, которую ставит перед собой новое общество, является распространение среди проживающего в Польше русского населения прогрессивной русской, советской и польской культуры. Общество популяризирует и распространяет традиции совместной борьбы русского и польского пролетариата. Вышеозначенных целей общество достигает путём организации центров распространения и популяризации русской и советской культуры и искусства, организации собраний, лекций, докладов и выставок. Уставом Общества предусматривается учреждение и возложение на себя руководства клубами, читальнями, библиотеками, а также организация кружков самообразования и клубных кружков, распространение книг и изданий на русском языке”.

Вскоре в состав правления вошли также Станислав Юдзил и Виктор Сверж-Свержинский.

К концу 1961 года в РКПО „Звенья” уже было 762 члена, объединённых в 10 отделений в Варшаве, Лодзи, Вроцлаве, Гданьске, Белостоке, Ольштыне, Войнове, Августове, Габовых Грондах и в деревне Водзилки. В последующие годы образовались также отделения в Легнице и Кракове. К 1963 году численность членов РКПО составила свыше двух тысяч членов. В целом до середины 70-х годов в рядах Русского культурно-просветительного общества и его позднейших преемников побывало от 5 до 9 тысяч человек.

Новое культурное общество фактически было продолжателем дела РКПО, несмотря на то, что представители РКПО „Звенья” официально отмежевались от предыдущей организации по той причине, что она была распущена. К счастью, польское министерство, курирующее деятельность общества, отнеслось к нему поначалу вполне благожелательно, выделив постоянную ежегодную дотацию и единовременную денежную поддержку в размере 5,2 млн злотых, что позволило организации выкупить из долгов предприятия РКПО.

Первый съезд РКПО „Звенья” прошёл в июне 1962 г. На съезде избрали состав нового правления, в которое вошли: Григорий Рыбаков — председатель, Пантелеймон Юрьев и Виктор Сверж-Свержинский — заместители председателя, И(рина). Ратанова-Гринман — генеральный секретарь и М(ихаил) Рудлевский — казначей (их точные имена пока установить не удалось – ред.)

Членами правления стали Анастасия Макаровская, Емельян Ефимов, Галина Острогорская, Виктор Нелипович, Констанция Трохановская, Пётр Леонов, Семён Ермаков, Лев Микулин. Тогда же из названия организации исчезло слово „Звенья”, а осталось только Русское

культурное общество. С 28 апреля 1963 г. председателем правления вновь стал Пантелеймон Юрьев.

В 60-е годы РКО возобновило деятельность театра, кинотеатра, библиотеки, читальни, танцевальных коллективов, групп чтецов-декламаторов, продолжая популяризацию русской культуры.

Особенно активно действовало лодзинское отделение организации. Однако власти в очередной раз начали предъявлять претензии к деятельности общества. По их мнению, члены руководства РКО были сильно связаны с православной церковью, более того, среди них по-прежнему было много людей из рядов белой эмиграции.

Из-за этого 4 октября 1964 г. от поста председателя правления был вынужден отказаться Пантелеймон Юрьев, а его место занял активист ПОРП Георгий Тредьяковский. Новый председатель фактически саботировал деятельность общества. Например, в результате его действий в 1967 г. собрание книг библиотеки лодзинского отделения РКО было передано библиотеке им. Л. Варынского. Несколько раньше, в середине 1965 г., из киосков *Ruch* исчезла газета „Русский голос”, которая позже была переформатирована в информационный бюллетень РКО. Это была уже небольшая брошюра тиражом в 200 экземпляров.

В опубликованной в 1965 году статье „Наши задачи” товарищ Тредьяковский обратился к членам организации, которую он вёл фактически к упадку, со словами о благонамеренности своих действий: „Вступление в ряды Русского культурного общества не может носить спекулятивный характер. Лица этого рода рано или позже демаскируют себя, и тогда должны будут оставить наши ряды. Нам нужны члены идейные, активные общественные работники!”

Печатное издание продержалось ещё три года и закончило свою жизнь в начале 1968 г.

Во время событий 1968 г. Русское культурное общество пользовалось благожелательным отношением со стороны властей Польской Народной Республики, которые подчёркивали лояльность и патриотизм членов этой организации. Однако в это время деятельность РКО начала ослабевать... В 1970 г. организация насчитывала в своём составе уже только 968 членов, объединённых в 6 отделениях в Белостоке, Варшаве, Гданьске, Войнове, Лодзи и Вроцлаве.

Начал также давать о себе знать процесс старения членов организации и прогрессирующая ассимиляция русских граждан ПНР.

В 1970 г. средний возраст членов правления РКО составлял 64 года. С группой ветеранов общества, поддерживающих православную церковь (Владимир Эпштейн, Николай Иванов, Иван Женев), боролась фракция, связанная с ПОРП (Ирина и Филипп Холод, Евгений Горский, Георгий Матысяк) и лидер этой группы Георгий Тредьяковский.

Три года спустя, в 1973 г., численность членов уменьшилась ещё в два раза, до 417 человек, а в 1970 г. новым председателем был избран Николай Иванов.

1 ноября 1973 г. власти назначили в принудительном порядке своего куратора в лице того же Тредьяковского. К этому моменту были уже распущены отделения в Войнове, Варшаве и Вроцлаве. Остальные отделения демонстрировали всё меньшую активность, при этом расходы на их содержание возрастали.

Тогда же появилась идея о закрытии организации и включении её в состав общества польско-советской дружбы (ОПСД). Вторым вариантом ликвидации общества было создание Клубов русской культуры вместо существующих отделений РКО. В конце концов под натиском государственных и партийных властей был принят первый вариант роспуска организации, и 1 июля 1974 года Георгия Тредьяковского назначили ликвидатором РКО.

Со своей задачей он справился довольно быстро. К концу декабря того же года имущество РКО отошло ОПСД, а все документы этой организации, относившиеся к периоду 1962–1973 гг., были сожжены 4 декабря 1974 г. Сделано было это в котельной здания на ул. Венцковского, 13 в Лодзи, где раньше находилось правление РКО. Факт этот, безусловно, очень затруднил работу исследователей, занимающихся историей этой организации.

Дольше всех действовало белостокское отделение РКО, насчитывавшее 92 человека, которые планировали даже действовать самостоятельно, однако в конце концов сдались и они. В результате общественно-культурная деятельность русского меньшинства в ПНР почти совершенно прекратилась, а её возрождение стало возможным лишь после 1989 года.

От редакции: Теперь остается лишь надеяться, что, несмотря на новое ухудшение польско-российских отношений, общественно-культурная деятельность русского меньшинства в Польше больше не будет объектом политического давления со стороны обоих государств.

Полный вариант статьи опубликован в журнале „Новая Польша” (N1/2015)

„Милая рябинушка, сердцу подскажи!”

В 1953 году в СССР появилась первая популярная лирическая песня, сюжет которой не был отягощён влиянием „чуткого руководства” партии и правительства. Чистые, не замутнённые идеологической болтовней или производственной темой слова песни легли в народную память легко и навсегда.

Авторы славной „Уральской рябинушки” – композитор Евгений Родыгин и поэт Михаил Пилипенко. К сожалению, достоверные биографические сведения об авторе слов крайне скудны.

Михаил Пилипенко (1919–1957) – журналист, редактор, поэт, автор песен, участник первого Всесоюзного съезда молодых писателей. Родился в городе Сумы Харьковской губернии в семье рабочего. В 19 лет там же поступил в государственный университет на филологический факультет. В 1941 году после третьего курса добровольцем ушёл на фронт. После второго ранения попал в Свердловск (Екатеринбург). В 1948 году Михаил окончил историко-филологический факультет Уральского госуниверситета, а через год уже стал заместителем редактора молодёжной областной газеты. Пилипенко написал множество разных и интересных стихов и поэм. Автор печатался в периодике, издавались томики его лирики, некоторые произведения поэта были положены на музыку... Но жизнь Михаила Пилипенко оборвалась трагически – ему не исполнилось и 38 лет.

А вот композитор Евгений Павлович Родыгин, несмотря на преклонный возраст, находится в добром здравии и даже до сих пор занимается моржеванием.

Евгений Павлович родился в 1925 году в городе Чусовском Пермской области. Отец будущего музыканта был бухгалтером, мать занималась воспитанием единственного сына.

Мальчик рос бойким и разносторонне развитым: со второго класса уже интересовался классической литературой, страстно увлекался шахматами и фотографией, строгал из дерева зверушек, удивлял сверстников и учителей способностями к математике, складывая в уме трёхзначные цифры. А так как мать играла на гитаре, то не мог оставаться в стороне и от музыки – пошёл в музыкальную школу. В 1937 году семья Родыгиных переехала в Нижнюю Салду. Музыкальной школы там не было, а ездить в ближайшую – в Нижний Тагил – оказалось не по силам.

Евгений сам осваивал игру на балалайке, мандолине, гармошке. Заинтересовался баяном. Отец продал ко-

рову и купил сыну дорогой музыкальный инструмент, который стал его любимым. В предвоенные годы паренёк уже играл на вечеринках, свадьбах, на вечерах танца в клубах. В 16 лет он был принят в кружок баянистов, где стал солистом. А в 18 лет, в 1943 году, был отправлен на фронт. Но и на переднем крае в часы отдыха он не расставался с баяном, устраивая на привалах концерты для солдат. Создал с однопольчанами ансамбль, написал свои первые песни... Прошёл славный боевой путь от рядового до старшего сержанта. Был награждён медалью „За отвагу”. Буквально за две недели до Победы Евгений был тяжело ранен в одном из боёв на Одере: его контузило и перебило обе ноги. Очнулся он в Лодзи, в военном госпитале, весь в бинтах и в гипсе. Зато руки были целыми. Каждое утро ему в палату приносили аккордеон и ставили на грудь. В лежачем положении Родыгина носили по всему госпиталу, и он давал концерты в палатах, поддерживая раненых бойцов задорными песнями.

После окончания войны Евгений демобилизовался и поступил на композиторское отделение в Уральскую государственную консерваторию. Ещё будучи студентом третьего курса, он принял должность заведующего музыкальной частью Уральского государственного русского народного хора. Получив диплом в 1950 году, вместе с хором Родыгин объездил Урал, Сибирь, побывал во всех союзных республиках, а также за рубежом: в Польше, Чехословакии, ГДР.

Спустя пять лет имя молодого автора Евгения Родыгина стало известно огромной армии поклонников отечественной эстрады. Но композитору не хватало многоголосной лирической песни, он всё искал мелодию, которая бы „легла на душу”. Кроме того, Родыгин мечтал написать о своём прекрасном крае. Вскоре ему представился случай исполнить эту мечту.

Евгений получил заказ написать патриотическую песню. В то время его соавтором была поэтесса Елена Хоринская. Работа шла трудно, Родыгин всё был недоволен текстом, и вдруг его внимание привлекли лежащие на столике стихи, озаглавленные „Уральская рябина”. Поэтесса пояснила, что на эти стихи уже написана

мелодия Кларой Кацман. Слова с музыкой были опубликованы, и песня даже имела успех на областном конкурсе в начале 50-х. Но Родыгин настойчиво просил дать ему эти стихи. По воспоминаниям самого композитора, у него моментально сочинилась музыка припева.

И вот песня зазвучала вновь, с новой музыкой, в исполнении Уральского народного хора. Но особого признания она не получила, поскольку сюжет был привязан к завершению строительства канала Волга-Дон. Слова идеологически правильные, по-партийному верные:

*Провожала девушка парня далеко.
Провожать ей милого было нелегко...
Парня в степь далёкую посылал Урал,
Веткою рябины ветер вслед махал.*

Мелодия Родыгину нравилась, да вот только со словами Е. Хоринской песня не пользовалась успехом. Композитор понял: загвоздка в словах. Нужны более мягкие, лирические... Как музыка. Он обратился к редактору молодёжного журнала Михаилу Пилипенко. Поэт (как раз влюблённый в то время) понял суть проблемы и написал пять куплетов на почти готовую музыку. На первое место Михаил вывел человека, его душу, переживания... К тому же девушка, влюблённая в двух парней, со своей „проблемой” обращается за советом не к подруге, что было бы традиционно, и даже не к „родной партии”, что было бы проявлением сознательности и организованности, а к природе – опоре человека во всей жизни: „Милая рябинушка, сердцу подскажи”

Последнее слово оставалось за исполнителями, ведь от них во многом зависела судьба песни. Запевалы и хор изрядно потрудились, добиваясь идеального ансамбля, подбирая мягкий звук... И хотя пять куплетов для хора – это много, на премьере они всё же были исполнены. Позднее осталось только три куплета, и в таком виде „Уральская рябинушка” обрела окончательный вид.

После первого исполнения „Уральской рябинушки”, летом 1954 года в Москве на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке, песня зазвучала на радио. Но художественный руководитель Уральского хора Л. Христиансен не сразу включил песню в репертуар, заявляя: „Мы вальсов не поём!”

Поэтому „Рябинушку” запели в сельских клубах, её узнали и полюбили вначале в народной самодеятельности, а потом уже она зазвучала со сцен больших концертных залов.

Со временем Христиансен всё же сдался. „Уральскую рябинушку” в исполнении Уральского хора записали на грампластинку все заводы фирмы „Мелодия”: Апрельский, Ленинградский, Рижский, Ташкентский. Песню воспроизводили в специальных музыкальных выпусках, печатали в сборниках... Хор исполнял песню в Европе, США, Японии, Китае, Северной Корее, даже в зелёных джунглях Амазонки.

Нежные, душевные строки подкупили слушателей. Песня получилась душевной, лирической, востребованной, и слова легли прочным пластом в народную память:

*Вечер тихой песнею над рекой плывёт,
Дальними зарницами светится завод,
Где-то поезд катится точками огня,
Где-то под рябинушкой парни ждут меня.*

Композитор оказался в эпицентре всеобщего внимания. Свердловская киностудия сняла о нём документальный фильм, который не сходил с телеэкранов. О нём много писали местные и центральные издания. Родыгин был принят в Союз композиторов, вместе с Уральским народным хором много гастролировал по Советскому Союзу и за его пределами.

Евгений Родыгин создал целый ряд песенных шлягеров. Их исполняют в концертных залах, на улицах, во время праздников, в быту... Его произведения можно услышать в исполнении не только отечественных, но и иностранных певцов на испанском, немецком, польском, французском языках, мотив „Рябинушки” звучит в одном из китайских фильмов... Песни Евгения Павловича и сегодня входят в основной репертуар Уральского народного хора.

И всё же именно „Уральская рябинушка” стала визитной карточкой композитора. Песня живёт и любима слушателями, в том числе и польскими, до сих пор.

Фаина Николае

Уральская рябинушка

*Ветер тихой песнею над рекой плывёт,
Дальними зарницами светится завод.
Где-то поезд катится точками огня,
Где-то под рябинушкой парни ждут меня.
Припев:
Ой, рябина кудрявая, белые цветы,
Ой, рябина, рябинушка, что взгрустнула ты?*

*Лишь гудки невучие смолкнут над водой,
Я иду к рябинушке тропкою крутой.
Треплет под кудрявою ветер без конца
Справа кудри токаря, слева – кузнеца.
Припев*

*Кто из, них желаннее, руку сжать кому?
Сердцем растревоженным так и не пойму.
Оба парня смелые, оба хороши...
Милая рябинушка, сердцу подскажи.
Припев*

Не хлебом единым...

Побывав ранней осенью на фольклорном фестивале *Integracja* и рассказав об этом в прошлом номере, я решила продолжить тему народного культурного наследия и отправилась в познаньский Этнографический музей. Я и не подозревала, что этот визит окажется таким трогательным!

И что же меня так тронуло? Не поверите – хлеб! Но не просто наш магазинный хлеб, а круглый, праздничный, блестящий, торжественно украшенный хлеб родом с Украины. Это был хлеб из моих воспоминаний! И первая встреча с ним произошла отнюдь не на Украине, а ... в России.

Нарядное хлебное изделие в музее стоит под стеклом в зале предметов домашнего обихода, а рядом надпись: „Калач и ритуальное полотенце. Подолье. Украина. Около 1930 года. По традиции калачом на вышитом полотенце приветствуют особо желанных и милых гостей”. А именно таким хлебом двадцать восемь лет назад нас, гостей из Польши, приветствовали на железнодорожном вокзале российские сверстники.

С одной стороны, сам факт присутствия хлеба среди домашней утвари да ещё и внизу стеклянной витрины мне показался довольно странным. Я-то как раз выросла в доме, где родители учили детей уважению к хлебу, и привыкла к тому, что, если даже самый маленький кусочек хлеба или хлебная крошка упадут на землю, надо быстренько их поднять и поцеловать, и что, прежде чем разрезать буханку хлеба, необходимо на нижней корочке вырезать ножом знак креста.

С другой стороны, присутствие этого праздничного каравай в самом начале экспозиции, как будто на пороге дома, напоминает посетителям музея о традиционном приветствии гостей, вынуждает их приостановиться и, наклонившись над ним, как будто бы почтить этот необыкновенный экспонат.

Так или иначе, благодаря встрече с хлебом я вдруг вспомнила мою поездку в СССР и, вернувшись домой, нашла открытку, написанную мной родителям в далёком 1987 году. Теперь фраза из того послания „Нас приветствовали очень вкусным хлебом и цветами” звучала для меня по-особенному...

Здесь пора перейти и ко второй теме этой статьи: о рукописных открытках, о которых даже в наши дни высоких технологий, мне кажется, всё же не стоит забывать и хоть пару раз в год следует их писать!

Не все, наверное, уже помнят совсем ещё недалёкие времена, когда в почтовом ящике можно было найти конверт, раскрыть и достать из него исписанный милым почерком листок бумаги. Или открытку с впечатлениями от поездки или тёплыми праздничными пожеланиями. Ныне из почтовых ящиков мы вынимаем только ре-

кламные листовки, а в конвертах находим лишь счета за электричество. А как же хороший обычай писать письма и открытки? Неужели он канул в Лету? И что же нам мешает возродить его?

Честно говоря, мои ровесники ни писем от руки, ни открыток уже давно мне не присылают. Таким образом я общаюсь лишь с моим родственником, который не пользуется Интернетом. С ним-то мы и встретились не так давно в Шамотулах, на шестой конференции, посвящённой жизни русских в Польше. Перед отъездом дядя попросил меня опустить в почтовый ящик написанные им во время конференции письма. Эта задача оказалась неожиданно трудной! Шамотулы – городок небольшой и, направляясь на железнодорожный вокзал, я прошла почти через весь город, но ни одного почтового ящика так и не увидела. Покупая билет в кассе вокзала, я спросила о почтовом ящике. Оказалось, в последнее время и моя собеседница заметила, что количество ящиков в городке решительно уменьшилось. На этом мы и расстались. Ничего, подумалось, в Познани один из ящиков висит прямо у моего балкона... Вдруг я услышала за спиной стук... Это кассир подзывала меня: она вспомнила, где точно должен быть почтовый ящик. Оставив у неё чемодан, я снова прошлась по городу. Дело было сделано – письмо отправлено.

Вернувшись домой, и найдя в Интернете адрес вокзала, я отправила этой симпатичной, неравнодушной женщине почтовую открытку, в которой от всего сердца поблагодарила её за поддержку!

Сегодня мы не пишем открыток, но сейчас я воспользуюсь случаем, и письменно – почти от руки – поздравлю вас с наступающим Новым годом! Пусть новый 2016 год, кроме достатка, подарит вам огромное количество незабываемых впечатлений и встреч с хорошими людьми. Не забывайте про ваших друзей и пишите им не только электронные, но и бумажные письма. Через некоторое время они станут очень ценными и найдут своё место в семейных архивах!

И пусть в ваших домах витает чудесный аромат свежего хлеба, который, кстати, состоит из 21 химического вещества, а его аппетитный запах является смесью их ароматов. Можете мне поверить, ведь я по образованию – технолог питания!

Эва Марчиняк

Бельгийская „Радуга талантов”

Пятый раз в Бельгии прошёл международный фестиваль детско-юношеского творчества „Радуга талантов”. На этот раз повезло городу Монс, который к тому же объявлен в 2015 году культурной столицей Европы под девизом „Там, где технология встречается с культурой”. И поэтому жители Монса и гости из разных европейских государств имели возможность познакомиться с культурой разных народов в рамках мультикультурного фестиваля под названием „Farandole des Cultures de l’Est” – „Хоровод восточных культур”.

Основная программа фестиваля „Радуга талантов” прошла на концертной сцене Maison Folie Manège Mons. А в павильонах, расположенных рядом, показывали результаты своей деятельности различные русскоязычные ассоциации и центры. Там можно было полюбоваться художественными работами и картинами, научиться рисовать на воде или варить мыло, попробовать традиционные русские блюда и увидеть национальные костюмы, а также приобрести книги о России и сувениры.

Многочисленные экспозиции украсили работы художников из Молдавии, Беларуси, Украины, Грузии и, конечно, из России. Так Владимир Чикин, эксперт в области антиквариата и галерист, представил выставку „Балет и город”.

Елена Суворова – талантливая художница, родившаяся во Владимире, а ныне проживающая в Бельгии, поделилась своими полотнами, выполненными в лучших традициях русской живописи.

А друг всемирно известного пианиста Дениса Мацуева – Евгений Евтюхов – порадовал зрителей фотовыставкой, посвящённой музыке. На фотографиях Евгения запечатлены музыканты во время выступлений, репетиций и в краткие минуты отдыха.

Выставка молдавских художников объединила двадцать работ различных направлений шести художников – Тудора Збырня, Геннадия Жалбэ, Игоря Сверней, Валерия Херца, Вячеслава Фистикану, Владимира Паламарчука. Украину в этом жанре искусства представляли Елена Смирнова и Валентина Пономарова, Беларусь – Виктор Лаговский, Ольга Гуськова, Алексей Жбанов и Юлия Вольнец.

В музыкальной части фестиваля выступили Джульетта Кочарова и Артур Бурмистров (ассоциация *Triomphe de l’Art*, Бельгия), танцевальный фольклорный коллектив „Уралочка” (Россия), популярное трио „Золотой Плёт” (Бельгия), группа „Славянка” (Украина), танцевальный коллектив национального хореографического колледжа (Молдавия).

Настоящим сюрпризом для зрителей стали финалисты телепроекта „Фактор-А” – группа „Шестое чувство” из Москвы.

Детское творчество на фестивальной сцене показали белорусский ансамбль „Кукушечка” и грузинский танцевальный коллектив „Медея”, группы „ДанЗа”, „Алёнушки”, „Новое поколение”, „Мугурел”, „Азербайджан”, студия балета „Д.А.Н.С.Е.”. А изюминкой концерта, безусловно, стала Саида Мухаметзянова из Татарстана. Саиде 14 лет, но она уже победительница многих вокальных конкурсов. В этом году она стала финалистом российского телевизионного проекта „Голос”.

Несомненно, ежегодный фестиваль „Радуга талантов” давно стал настоящим праздником. А какой праздник без накрытого стола? Настоящее русское чаепитие организовали группа компаний „Бирюзовый чай” под руководством Сергея Хорольского и чайная школа-студия Дениса Шумакова. Здесь можно было не только отведать ароматный чай, угоститься пряниками и баранками, но и полюбоваться коллекцией самоваров Ирины Малашевой.

Закончился праздник запуском воздушных шаров. В небо взлетели более сотни шариков. Их уносили ввысь заветные желания, загаданные детьми.

– Нашей целью, – говорит один из организаторов фестиваля, Аурика Ушакова из ассоциации „Гармония”, – является развитие юношеского творческого потенциала, обмен опытом и художественными достижениями творческих коллективов из разных стран, расширение кругозора и интеллектуального уровня детей и молодёжи. Помимо нашей постоянной публики, в этом году мы сумели привлечь внимание большого количества русскоязычной молодёжи Бельгии, а также наших гостей из других стран Европы и мира.

Бельгийский праздник под названием „Радуга талантов” – яркое подтверждение того, что сегодня одним из языков межнационального общения является русский.

И пусть мы живём вдали от России, но остаёмся, как и прежде, носителями русского языка и русской культуры.

Юлия Попова

Поэт – авангардист

Юлиан Пшибось родился в начале XX века, в 1901 году, и его юность и становление как поэта пришлось на время революций, воен, борьбы за восстановление государственности Польши. В

своей поэзии он утверждал новый языковой стиль, став одним из основателей польского авангарда. С 1923 года как поэт и теоретик входил в группу „Краковский авангард”, стихи этих лет являются программными: в них отразились отказ от лирической „стихийности” и „субъективности”, понимание поэзии как особой языковой конструкции. В его строках слышны отзвуки творчества Владимира Маяковского, которого он позже переводил на польский язык. Затем Пшибось отходит от образов, характеризующих технический прогресс, возвращаясь от городской цивилизации к природе, пейзажным образам, эротике. В последних сборниках к этим темам присоединяется нота социального звучания и собственной судьбы.

На русский язык одной из первых его переводила Марина Цветаева. В своём дневнике 6 января 1941 года она записывает: „...нынче ташу поляков в Гослитиздат. Среди них один – замечательный (по усилию точно сказать – несказанно) – Юлиан Пшибось. Большой поэт целиком уцелевает в подстрочнике”.

БЕГСТВО

Пер. Марины Цветаевой

Позади горизонты валились пластами,
как пашия под плугом,
Ввысь взлетали мосты наподобие огненных птиц,
И наш дом – для последнего разу
– мне брызнул звездю.

Я над телом лежащим помедлил.
На широких равнинах – их пули со свистом сшивали
тесней и тесней, –

Как восторгом, охваченный ужасом,

Брат!

Я укрыл тебя ветвью.

Сжала жница тебя не серпом,

не серпом тебя сжала, а саблей...

В землю торопится кровь.

В поле останется тело.

И погрузился я в ночь, у которой ни дна нет,

ни сна нет.

...И необъятная – вся –
Стала земля мне одним
Местом, запавшим
На объём человека.

МАТЕРИК

Пер. Марины Цветаевой

Только глянул – пространство со взгляда,
как с якоря, сорвалося!

Эти вспышки зелёного дыма – зелёного пыла –
Как помыслию листвою?

Вместо тени – дичайшая темень.

Ввысь скакнула земля.

Материк – в небосвод провожаю?

Так ударами сердца растрогать гранит этот дикий –
Чтобы взмахом одним стал и плотью, и кровью,
и жизнью.

...Будто гром его только что ранил.

Ничего – только волн начинающих береговая кривая.

ВОЗВРАЩЕНИЕ В ДЕРЕВНЮ

Пер. Владимира Британишского

Отпустили меня улицы Варшавы,
мощенные намереньями благими,
лучше уж буду сажать на деревьях омеу!

Ночь прошла под пахотными облаками.

Вспархивает из-под ног

ветерок испуганной куропаткой.

Что я тут делаю между горем и полем,
обезумев от бездны лазури?

Отец остановил свой плуг перед крутым косогором,
постоял в раздумье;

не умалчивает ли мне на ухо старую правду

он, годами с себя с трудом отряхивающий землю?

Что ж, я бороню по диагонали

серую звезду хлоборобов,

вдоль борозды горизонта ворон погоняя.

Публикацию подготовила Вера Виногорова

Спой мне песню...

Индустрия развлечений предлагает сегодня большой выбор различных конкурсов талантов, позволяющих их участникам продемонстрировать свои удивительные способности, а зрителям – просто наслаждаться шоу перед телевизором, забывая о своих проблемах.

Но не менее интересно, оказывается, стать участником и не суперпопулярного шоу, а, например, межшкольного конкурса Великопольского воеводства, да ещё попробовать свои силы в знании русского языка. Ведь это был конкурс песен на русском языке!

В познанской гимназии № 50 им. Польской авиации в четвёртый раз состоялся конкурс песни на русском языке. А главной целью была, конечно же, поддержка самых талантливых школьников, популяризация культуры России и песен на русском языке. Участники прибыли не только из столицы воеводства, но и из городов поменьше. Председателем жюри согласилась стать Малгожата Вятр, научный сотрудник университета им. А. Мицкевича в Познани, а членами жюри были консул Российской Федерации Игорь Ощепков и учитель музыки Каролина Гэмбка.

Всего прозвучало более тридцати песен, некоторые даже дважды. Так случилось с песнями „Конь” из репертуара группы „Любэ”, „Молитва” Окуджавы, „Знаешь ли ты” из репертуара МакСим, „Гори, гори, моя звезда” и песней „Надежда” из репертуара Анны Герман. Некоторые участники пели песни по-польски, но большинство всё же отважились спеть на русском. И, по-моему, именно они заслужили медали „За смелость”, так как русский язык в наших школах уже давно редкость, и, значит, им пришлось приложить больше усилий для подготовки.

На сцену выходили юные музыканты с гитарами, со скрипкой и даже с виолончелью, однако большинство пели под фонограмму. Лишь познанский ансамбль под названием „Неизвестный” исполнил песню *a capella* и благодаря восхитительному исполнению как раз и занял первое место в категории ансамблей.

Юные певцы исполняли не только хиты популярной современной музыки, но и традиционные русские народные песни и романсы, к примеру, „Очи чёрные”. И, конечно же, не могло обойтись без самой известной в Польше песни Аллы Пугачёвой „Всё могут короли”. Её так зажигательно исполняла совсем юная польская школьница, что просто вынудила слушателей, даже чуть-чуть знающих русский, начать подпевать.

Победительницей конкурса была признана Ига Иглевска, спевшая песню „Времени нет” из репертуара Натальи Подольской, ученица гимназии № 2 из Вжесни. Она и увезла домой Гран-при – Золотую матрёшку. Всего же членами жюри было вручено двенадцать наград в разных категориях.

„Дорогая молодёжь! Сегодняшняя встреча с русской песней подходит к концу, и я, от лица жюри, обращаюсь к вам с просьбой. В будущем году нам бы хотелось послушать не только поп-музыку, но побольше рока и хип-хопа. Поверьте мне, многие российские музыканты очень удачно исполняют произведения этих музыкальных жанров!” – в заключительном слове с полной убеждённостью сказала Малгожата Вятр.

„Хозяин” этого музыкального конкурса – познанская гимназия № 50 – не случайно занялась его организацией. Здесь впервые создан двуязычный класс: с польским и русским языками. Ученики этой школы принимают участие в международном молодёжном обмене и часто выезжают в Россию, а на территории этой гостеприимной школы действует кафе „Самовар”.

Эва Марчиняк, Познань

Запусты в Боре с топотушками

Идея вместе провести посиделки на заговенье перед Рождесвенским постом родилась спонтанно в автобусе, когда мы, делегаты VI конференции, посвящённой русскому культурному наследию в Польше, возвращались домой.

После совместного пения русских песен Галина Суходольская, инструктор муниципального центра культуры предложила: „А приезжай к нам в Бор на запусты, вместе попоём, потанцуем”.

Я очень обрадовалась и сразу же согласилась. Мы обменялись телефонами и адресами. Прошло время, и Галина позвонила, сообщив, что на посиделках будет и любимый всеми нами ансамбль „Рябина”, исполняющий песни староверов.

И вот 22 ноября в полдень я была на месте – в центре культуры в деревне Бор под Августовом в гостях у старообрядцев.

В зале стоял стол, заставленный домашними явствами. За столом – нарядные радостные люди. Начало было традиционное и первый тост „За встречу!” А потом... я как будто очутилась в доме моей бабушки Зины.

Красивый женский голос начал мелодию песни, и тут же, как ручейки в реку, начали вливаться голоса. Песни лились одна за другой. Пели все, кто был в светлице. В какой-то момент ноги сами пошли в пляс, да ещё с топотушками. Всё как в старые добрые времена! Оказалось, что и проигрыватель не нужен!

За столом смех, радостные доброжелательные лица. И конечно, разговоры, воспоминания, семейные истории.

Русские народные песни сменялись классическими русскими романсами. Было такое чувство, будто это большая крепкая семья с традициями и крепкими устоями. Мне было так хорошо и душевно в обществе этих людей.

Вдруг одна из певиц „Рябины” сказала:

– А я новую песню написала, называется „Прошли золотые денёчки”.

Мы быстро сделали копии слов, и раз пропетый мотив был подхвачен стройным многоголосьем. Всё было так натурально, красиво, стройно, что дух захватывало.

А потом произошёл обмен музыкальным материалом, оказалось, что и мои песни пригодились. Я отдала им свои ноты и слова, и они теперь войдут в репертуар ансамбля „Рябина”.

Но пришла пора прощаться. Расставались со слезами на глазах, с приглашениями приезжать в гости.

Дорогие мои старообрядцы, мы ещё не раз с вами встретимся, попоём и наговоримся от души.

*Галина Дзисяк
Белосток – Бор*

Координатор проекта – Ирина Корнильцева (контакт: 609 536 701)

Пишите нам: 00–901 Warszawa, pl. Defilad 1, skrytka pocztowa 59

Stowarzyszenie „Rosyjski dom”

biuro@gazetarosyjska.pl

www.rosyjski-dom.waw.pl

Наш расчётный счёт: Bank BGŻ

35 2030 0045 1110 0000 0313 2090

Zrealizowano dzięki dotacji Ministerstwa Administracji i Cyfryzacji RP

ISSN 1897–6638